

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

МУДРОСТЬ ВОСТОКА

Притчи об истине, добре, счастье
и пользе наук

Москва
Издательство «АСТ»

УДК 398(5)
ББК 82.3(5)-6
М89

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей будет преследоваться
в судебном порядке

М89 **Мудрость Востока.** Притчи о любви, добре, счастье и пользе наук. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 320, [48] с.: ил. — (*Великие притчи*).

ISBN 978-5-17-102354-6

Жанр притч имеет почтенный возраст. В назидательных историях издавна сохранялась мудрость поколений, заселявших Землю. Восточные притчи отмечены своим неповторимым колоритом. Их герои — боги, правители, странствующие монахи, словом, носители истины о мире.

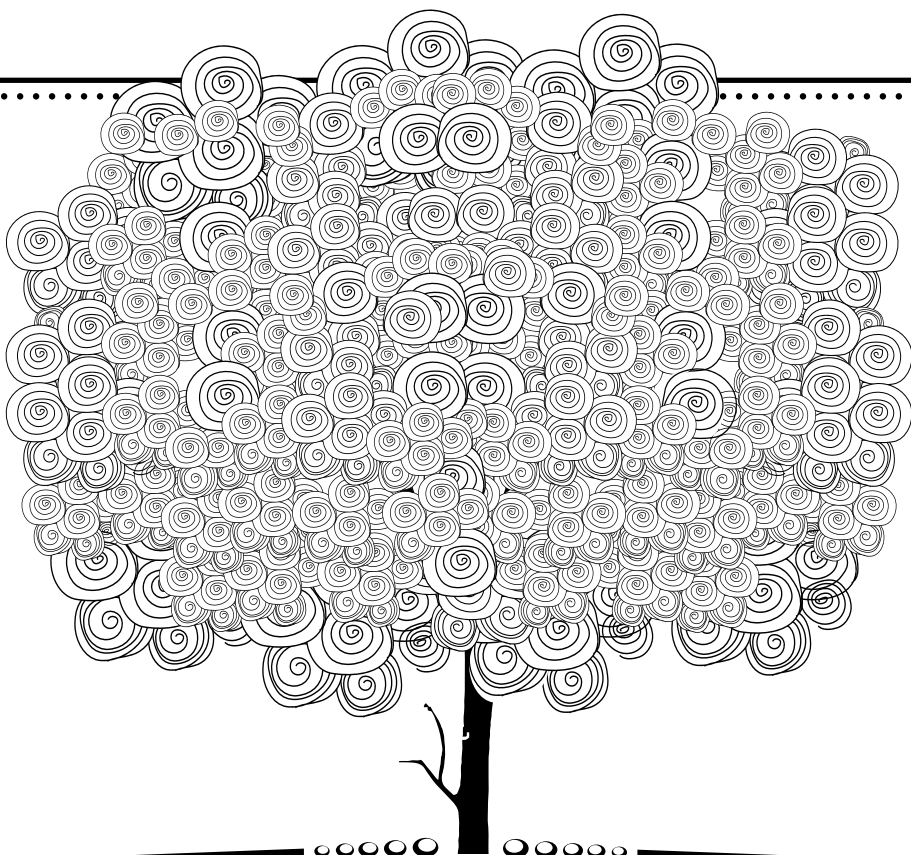
На страницах этой книги они обращаются к читателям со словом о любви, добре, счастье и пользе наук. Предупреждают против погружения в пучину пороков, таких как клевета, алчность, человеческая глупость. Вошедшие в книгу притчи и легенды, бытовавшие в арабском, китайском и индийском мире, даны в изложении блистательного русского фельетониста Власа Дорошевича.

УДК 398(5)
ББК 82.3(5)-6

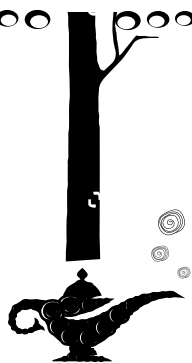
ISBN 978-5-17-102354-6

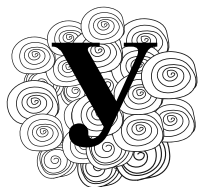
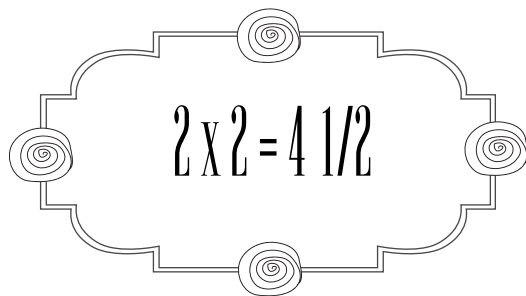
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

АРАБСКИЕ
ПРИТЧИ И ЛЕГЕНДЫ

аравов, как ты знаешь, мой друг, и все бывает арабское. В арабской Государственной Думе, — она зовется у них Дум-Дум, — решили начать, наконец, издавать законы.

Вернувшись с мест, из своих становищ, избранные арабы поделились впечатлениями. Один араб сказал:

— Кажется, население нами не особенно довольно. Мне один на это намекнул. Назвал нас лодырями.

Другие согласились.

— И мне приходилось слышать намеки. Нас зовут дармоедами.

— Меня называли бездельником.

— А в меня запалили камнем.

И решили приняться за законы.

— Надо издать сразу такой закон, чтоб истина его бросалась всем в глаза.

— И чтоб он не возбуждал никаких споров.

— Чтоб все были с ним согласны.

— И чтоб никому он не приносил убытка.

— Он будет мудр и всем мил!

Избранные арабы подумали и придумали:

— Издадим закон, что дважды два четыре.

— Истина!

— И никому необидно.

Кто-то возразил:

— Но это и без того все знают.

Ему резонно ответили:

— Все знают, что красть нельзя. Однако в законе об этом говорится.

И арабские избранники, собравшись в торжественное собрание, постановили:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре.

Узнав об этом, визири, — так, мой друг, называют арабских министров, — очень обеспокоились. И пошли к великому визирю, который был так же мудр, как сед.

Поклонились и сказали:

— Слышал ли ты, что дети несчастья, избранные арабы, начали издавать законы?

Великий визирь погладил седенькую бородку и сказал:

— Я остаюсь.

— Что они издали уже закон: дважды два четыре?

Великий визирь ответил:

— Я остаюсь.

— Да, но они дойдут Аллах знает до чего. Издадут закон, чтоб днем было светло, а ночью темно. Чтоб вода была мокрая, а песок сухой. И жители будут уверены, что днем светло не потому, что светит солнце, а потому, что так постановили дети несчастья, избранные арабы. И что вода мокрая, а песок сухой не потому, что так создал Аллах, а потому, что так постановили они. Люди уверуют в мудрость и всемогущество избранных арабов. А они подумают о себе Аллах знает что!

Великий визирь спокойно сказал:

— Я слышу все это и остаюсь.

И добавил:

— Будет ли Дум-Дум издавать законы или не будет, — я остаюсь. Будет она существовать, — я остаюсь, и не будет, — я тоже остаюсь. Будет дважды два четыре, или один, или сто, — я, все равно и что бы ни случилось, остаюсь, остаюсь и остаюсь, пока Аллаху угодно, чтоб я оставался.

Так говорила его мудрость.

Мудрость одета в спокойствие, как мулла — в белую чалму. А взволнованные визири отправились в собрание шейхов... Это нечто вроде их Государственного Совета, мой друг. Отправились в собрание шейхов и сказали:

— Этого так оставить нельзя. Нельзя, чтоб избранные арабы забирали такую силу в стране. И вы должны принять меры.

И собралось великое совещание шейхов, с участием визирей.

Первый среди шейхов, их председатель, встал, от важности никому не поклонился и сказал:

— Славные и мудрые шейхи. Дети несчастья, избранные арабы, поступили так, как самые искусные заговорщики, самые злостные возмутители, величайшие разбойники и гнуснейшие мошенники: объявили, что дважды два четыре. Так самое истину они заставили служить их гнусным целям. Их расчет понятен нашей мудрости. Они хотят приучить глупое население к мысли, что их устами говорит сама истина. И потом, какой бы закон они ни издали, глупое население будет все считать за истину: «ведь, это постановили избранные арабы, которые сказали, что дважды два четыре». Чтоб сокрушить этот злодейский замысел и отбить у них охоту законодательствовать, мы должны отменить их закон. Но как это сделать, когда дважды два, действительно, четыре?!

Шейхи молчали, уставив свои бороды, и, наконец, обратились к старому шейху, бывшему великому визирю, мудрецу, — и сказали:

— Ты — отец несчастья.

Так, мой друг, у арабов называется конституция.

— Врач, который сделал разрез, должен уметь его и излечить. Пусть же твоя мудрость разверзнет свои уста. Ты ведал казною, составлял росписи доходов и расходов, всю жизнь прожил среди цифр. Скажи нам, — нет ли какого-нибудь выхода из безвыходного положения. Действительно ли дважды два всегда бывает четыре?

Мудрец, бывший великий визирь, отец несчастья, встал, поклонился и сказал:

— Я знал, что вы меня спросите. Потому что, хотя и зовут меня отцом несчастья, при всей нелюбви ко мне, меня в трудные минуты всегда спрашивают. Так человек, который рвет зубы, никому не доставляет удовольствия. Но когда от зубной боли ничто не помогает, за ним посылают. По дороге с теплого берега, где я жил, созерцая, как солнце пурпурное погружается в море лазурное, полосами его золотя, я вспоминал все отчеты и росписи, которые я составлял, и нашел, что дважды два может быть все, что угодно. Глядя по надобности. И четыре, и больше, и меньше. Были отчеты и росписи, где дважды два бывало пятнадцать, но были, где дважды два было три. Глядя по тому, что нужно было доказать. Реже всего дважды два было четыре. Я, по крайней мере, такого случая у себя не припомню. Так говорит опыт жизни, отец мудрости.

Слушая его, визири пришли в восхищение, а шейхи в отчаяние и спросили:

— Да что же такое, наконец, арифметика? Наука или искусство?

Старый шейх, бывший великий визирь, отец несчастья, подумал, сконфузился и сказал:

— Искусство!

Тогда шейхи в отчаянии обратились к визирю, ведавшему ученостью в стране, и спросили:

— По своей должности ты непрерывно имеешь дело с учеными. Скажи нам, визирь, что говорят они?

Визирь встал, поклонился, улыбнулся и сказал:

— Они говорят: «Чего изволите». Зная, что меня не минует ваш вопрос, я обратился к тем ученым, которые у меня остались, и спросил их: «Сколько будет дважды два?» Они поклонились и ответили: «Сколько прикажете». Так, сколько я их ни спрашивал, я не мог добиться другого ответа, кроме: «как изволите» и «как прикажете». Арифметика в моих школах заменена послушанием, так же как и другие предметы.

Шейхи впали в глубокое горе. И воскликнули:

— Это делает честь, о визирь, заведующий ученостью, и тем ученым, которые у тебя остались, и твоему уменью выбирать. Быть может, такие ученые и выведут юношество на должную дорогу, — но нас они не выводят из затруднения.

И шейхи обратились к шейх-уль-исламу.

— По обязанностям своим ты все время имеешь дело с муллами и близок к божественным истинам. Скажи нам ты истину. Дважды два всегда четыре?

Шейх-уль-ислам встал, поклонился на все стороны и сказал:

— Почтенные, знатнейшие шейхи, у которых мудрость прикрыта сединами, как покойник серебряным покровом. Век живи — век учись. Жили в городе Багдаде два брата. Люди богобоязненные, но люди. И имели они по наложнице. В один и тот же день братья, во всем поступавшие согласно друг с другом, взяли себе наложниц, и в тот же день наложницы от них зачали. И когда приблизилось время родов, братья сказали себе: «Хотим мы, чтоб дети наши родились не от наложниц, а от законных наших жен». И позвали муллу, чтоб он благословил их два брака. Мулла возрадовался в сердце своему такому благочестивому решению братьев, благословил их и сказал: «Венчаю два ваших союза. Вот теперь будет одна семья из четырех человек». Но в ту минуту, как

он это говорил, обе новобрачные разрешились от бремени. И дважды два стало шесть. Семья стала состоять из шести человек. Вот что случилось в городе Багдаде, и что знаю я. А Аллах знает больше меня.

Шейхи с восторгом выслушали этот случай из жизни, и визирь, ведающий торговлю страны, поднялся и сказал:

— Не всегда, однако, дважды два бывает и шесть. Вот что произошло в славном городе Дамаске. Один человек, предвидя надобность в мелкой монете, пошел к разбойнику...

У арабов, мой друг, нет еще слова «банкир». И они по-старому говорят просто «разбойник».

— Пошел, говоря я, к разбойнику и разменял у него два золотых на серебряные пиастры. Разбойник взял за промен и дал человеку серебра на полтора золотых. Но случилось не так, как предполагал человек, и надобности в мелкой серебряной монете ему не представилось. Тогда он пошел к другому разбойнику и попросил его обменять серебро на золото. Второй разбойник взял столько же за промен и дал человеку один золотой. Так дважды разменянные два золотых превратились в один. И дважды два оказалось один. Вот что случилось в Дамаске и случается, шейхи, везде.

Шейхи, слушая это, пришли в неописанный восторг:

— Вот чему учит жизнь. Настоящая жизнь. А не какие-то там избранные арабы, дети несчастья.

Они подумали и решили:

— Избранные арабы сказали, будто дважды два четыре. Но жизнь их опровергает. Нельзя издавать нежизненных законов. Шейх-уль-ислам говорит, что дважды два бывает шесть, а визирь, ведающий торговлю, указал, что дважды два бывает и один. Чтоб сохранить полную самостоятельность, собрание шейхов постановляет, что дважды два пять.

И они утвердили закон, постановленный избранными арабами.

— Пусть не говорят, будто мы их законов не утверждаем. И изменили только одно слово. Вместо «четыре» поставили «пять».

Закон читался так:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет пять.

Дело поступило в согласительную комиссию. Везде, мой друг, где есть «несчастье», есть согласительные комиссии.

Там возник жестокий спор. Представители совета шейхов говорили:

— Как вам не стыдно спорить из-за одного слова? Во всем законе вам изменили только одно слово, и вы поднимаете такой шум. Стыдитесь!

А представители избранных арабов говорили:

— Мы не можем вернуться без победы к нашим арабам! Долго спорили.

И, наконец, представители избранных арабов решительно объявили:

— Или вы уступите, или мы уйдем!

Представители совета шейхов посоветовались между собою и сказали:

— Хорошо. Мы сделаем вам уступку. Вы говорите четыре, мы говорим пять. Пусть будет ни для кого не обидно. Ни по-вашему, ни по-нашему. Уступаем половину. Пусть дважды два будет четыре с половиной.

Представители избранных арабов посоветовались между собою:

— Все-таки лучше какой-нибудь закон, чем никакого.

— Все-таки мы заставили их пойти на уступку.

— А больше не добьешься.

И объявили:

— Хорошо. Согласны.

И согласительная комиссия от избранных арабов и совета шейхов объявила:

— Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре с половиной.

Об этом было возведено чрез глашатаев на всех базарах. И все были в восторге.

В восторге были визири:

— Дали урок избранным арабам, чтоб даже дважды два четыре провозглашали с оглядкой.

В восторге были шейхи:

— Не по-ихнему вышло!

В восторге были избранные арабы:

— Все-таки совет шейхов принудили пойти на уступки.

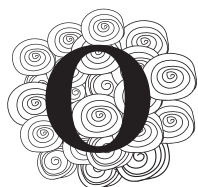
Все поздравляли себя с победой.

А страна? Страна была в величайшем восторге. Даже куры, — и те весело проводили свое время.

Такие-то бывают, мой друг, на свете арабские сказки.

Сказка о сказке

Однажды Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал фантазию. Она сказала себе:

— А почему бы и нет? Много гурий¹ в раю пророка, много красавиц в земном раю, — в гареме халифа. В садах пророка не была бы я последней из гурий, среди жен падишаха я, быть может, была бы первой из жен, и среди одалисок — первой из его одалисок. Где кораллы ярче моих губ, и дыхание их — как воздух полудня. Стройны мои ноги, и как две лилии — грудь моя, — лилии, на которых выступили пятнышки крови. Счастлив тот, кто склонит голову на мою грудь. Чудные сны приснятся ему. Как луна в первый день полнолуния, светло лицо мое. Как черные бриллианты горят мои глаза, и тот, кто в минуту страсти заглянет в них близко-близко — как бы велик он ни был! — увидит себя в них таким маленьким, таким маленьким, что рассмеется. Аллах создал меня в минуту радости, и вся я — песнь своему творцу.

Взяла и пошла. Одета только в свою красоту.

На пороге дворца ее с ужасом остановил страж.

— Чего ты хочешь здесь, женщина, забывшая надеть не только чадру!

— Я хочу видеть славного и могущественного султана Гарун-аль-Рашида, падишаха и халифа, нашего великого повелителя. Аллах один да будет повелителем на земле.

¹ Гурии — в мусульманской мифологии девы, вместе с праведниками населяющие джанну (рай).

— Да будет во всем воля Аллаха. Как твое имя? Бесстыдство?

— Мое имя: Истина. Я не сержусь на тебя, воин. Истину часто принимают за бесстыдство, так же, как ложь за стыд. Иди и доложи обо мне.

Во дворце халифа все пришли в волнение, узнав, что пришла Истина.

— Ее приход часто означает уход для многих! — задумчиво сказал великий визирь Джаффар.

И все визири почувствовали опасность.

— Но она женщина! — сказал Джаффар. — У нас принято, что всяким делом занимается тот, кто в нем ничего не понимает. И поэтому женщинами ведают евнухи.

Он обратился к великому евнуху. Хранителю покоя, чести и счастья падишаха. И сказал ему:

— Величайший из евнухов! Там пришла женщина, полагающаяся на свою красоту. Удали ее. Помня, однако, что все это происходит во дворце. Удали ее по-придворному. Так, чтоб все было красиво и пристойно.

Великий евнух вышел на крыльцо и мертвыми глазами взглянул на обнаженную женщину.

— Ты хочешь видеть халифа? Но халиф не должен видеть тебя в таком виде.

— Почему?

— В таком виде приходят на этот свет. В таком виде уходят с него. Но ходить в таком виде на этом свете нельзя.

— Истина только тогда и хороша, когда она голая истина.

— Твои слова звучат правильно, как закон. Но падишах выше закона. И падишах не увидит тебя такой!

— Такою создал меня Аллах. Берегись, евнух, осуждать или порицать. Осуждение было бы безумием, порицание — дерзостью.

— Я не смею осуждать или порицать того, что создал Аллах. Но Аллах создал картофель сырым. Однако, прежде чем есть картофель, его варят. Аллах создал мясо барашка полным крови. Но чтобы есть мясо барашка, его сначала жарят. Аллах создал рис твердым, как кость. И чтобы есть рис, люди варят его и посыпают шафраном. Что сказали бы о человеке, который стал бы есть сырой картофель, сырое баранье мясо и грызть сырой рис, говоря: «Такими создал их Аллах!» Так и женщина. Для того, чтобы быть раздетой, она должна быть сначала одета.

— Картофель, баранина, рис! — с негодованием воскликнула Истина. — А яблоки, а груши, душистые дыни? Их тоже варят, евнух, прежде, чем есть?

Евнух улыбнулся так, как улыбаются евнухи и жабы.

— У дыни срезают корку. С яблок и груш снимают кожу. Если ты хочешь, чтоб мы поступили так же с тобою...

Истина поспешила уйти.

— С кем ты говорил сегодня утром, у входа во дворец и, кажется, говорил сурово? — спросил Гарун-аль-Рашид у хранителя его покоя, чести и счастья. — И почему во дворце было такое смятение?

— Какая-то женщина, бесстыдная до того, что желает ходить так, как ее создал Аллах, хотела тебя видеть! — ответил великий евнух.

— Боль родит страх, а страх родит стыд! — сказал халиф. — Если эта женщина бесстыдна, поступите с ней по закону!

— Мы исполняем твою волю, прежде чем она произнесена! — сказал великий визирь Джаффар, целуя землю у ног повелителя. — С женщиной так и поступлено!

И султан, с благосклонностью глядя на него, сказал:

— Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал упрямство.

Истине пришлось в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина надела власяницу, подпоясалась веревкой, взяла в руку посох и снова пришла ко дворцу.

— Я — Обличение! — сурово сказала она стражу. — Именем Аллаха я требую, чтобы меня допустили к халифу.

И страж в ужасе — стражи всегда приходят в ужас, когда ко дворцу халифа приближается посторонний, — страж в ужасе побежал к великому визирю.

— Опять та женщина! — сказал он. — Она прикрыта власяницей и называет себя Обличением. Но по глазам я увидел, что она — Истина.

Визирь пришел в волнение.

— Какое неуважение к султану — идти против нашей воли!

И Джаффар сказал:

— Обличение? Это уж касается великого муфтия.

Призвал великого муфтия и поклонился ему:

— Да спасет нас твоя праведность! Поступи благочестиво и по-придворному.

